

Н О В Ы Й
ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ.

1909

іюль

№9

СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕКЪ.

(Къ годовщинѣ смерти А. П. Чехова).

Статья Б. Лазаревского.

Цѣлыхъ пять лѣтъ прошло, а все еще не вѣрится и кажется, что нужно только поѣхать въ Ялту, сойти съ парохода и взять извозчика въ Аутку... И черезъ десять минутъ Антонъ Павловичъ уже будетъ спрашивать меня, какая погода въ Петербургѣ, какъ здоровье В. С. Миролюбова и какъ идутъ дѣла «Журнала для всѣхъ».

Все это могло-бы быть...

Ярко и красочно представилось мнѣ его серьезное, милое лицо, въ этомъ году въ концѣ апрѣля. Случалось такъ, что до сихъ поръ я видѣлъ въ Московскомъ Художественномъ «Чеховскомъ» театрѣ всѣ его пьесы, кромѣ «Трехъ сестеръ», и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, я попалъ на этотъ спектакль.

Роль Маши исполняла та, о которой Чеховъ писалъ В. М. Соболевскому 9-го июня 1901 года: «Ну-съ, а я вдругъ взялъ и женился... Жена моя очень порядочный и неглупый человекъ и добрая душа».

Пьеса шла въ 117-й разъ и все такъ-же удивительно красиво, такъ-же удивительно просто. И казалось, что и теперь живутъ такіе-же самые люди и такъ-же, какъ и въ тотъ годъ, когда Чеховъ создавалъ эту драму.

Но вдругъ странно и больно ударила меня по мозгамъ фраза Тузенбаха - Качалова:

«Кто знаетъ? А быть можетъ нашу жизнь назовутъ высокой и вспомнятъ о ней съ уваженіемъ. Теперь нѣтъ казней...»

И сейчасъ-же стало понятно, что Чеховъ и люди, которыхъ онъ рисовалъ, уже потонули въ исторіи.

Точно на одной изъ станцій, изъ вагона, въ которомъ ѣхалъ и я, вышелъ и распрощался навсегда необыкновенно симпатичный пассажиръ. Чувствовалось съ нимъ такъ легко, а теперь, до самаго конца, остались попутчиками черствые, умничающіе, но не умные люди.

Только вотъ у Маши, — Книперъ — голосъ и манеры остались тѣ самыя. И мнѣ неудержимо захотѣлось поговорить съ ней, и не какъ съ знаменитой актрисой, а какъ съ женой Чехова.

Послѣ окончанія спектакля я обождалъ О. Л. за кулисами. Когда пошли по улицѣ, я невольно подѣлился съ нею тѣми своими мыслями, которыя навѣяла фраза Тузенбаха въ первомъ актѣ.

О. Л. помолчала и потомъ задумчиво сказала:

— Интересно, какъ бы отнесся Антонъ Павловичъ къ теперешней жизни и къ современнымъ людямъ, если бы онъ могъ сейчасъ жить?

— Онъ бы во второй разъ умеръ, довольно легкомысленно отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, онъ не умеръ бы и очень интересовался бы всѣми окружающими насъ явленіями. Антонъ Павловичъ былъ сильный человекъ, настойчиво, быстро возразила О. Л.

Потомъ, когда я остался одинъ, эта фраза: «Антонъ Павловичъ былъ сильный человекъ» — долго стояла въ моихъ ушахъ. И я вспомнилъ свои

разговоры съ Чеховымъ и его появившіеся въ печати письма и рассказы людей, близкихъ къ жизни этого рыцаря художественнаго слова, рыцаря воистину безъ страха и упрека.

Нужно было имѣть чистую душу, чтобы, проработавъ у А. С. Суворина нѣсколько лѣтъ и зная, что близость съ этой «фирмой» судить ему богатство,—просто и гордо повернуться спиной, какъ только стало ясно, что за люди его сотрудники. Нарисовалось начало его литературной работы. Вспомнилось, что «Стрекоза» отказала Чехову въ принятіи двухъ рассказовъ—изъ тѣхъ, что потомъ вошли въ его безсмертный первый томъ.

Вспомнилась тяжелая, неблагодарная работа его въ лейкинскихъ «Осколкахъ» по «пятакку» за строчку.

Вспомнился рассказъ М. П. Чехова о томъ, какъ въ «Вѣстникъ Европы» не была принята повѣсть Антона Павловича «Дуэль».

И стало смѣшно и грустно.

Представился этотъ «Вѣстникъ Европы», въ своей красной обложкѣ, въ видѣ какого-то черезчуръ осторожнаго и благоразумнаго мецената, который пускаетъ въ свой домъ только зарекомендованныхъ художниковъ, рисующихъ сугубо-заученными приѣмами.

И вдругъ меценатъ узнаетъ, что въ числѣ не принятыхъ имъ оказался большой художникъ, художникъ Божіей милостью, а забракованная картина сдѣлалась гордостью русскаго искусства! И вѣроятно больно стало этому меценату.

А критика...

«Чайка» была названа «бездарными потугами». Кѣмъ? Не хочется повторять... И въ то время, когда Чеховъ уже зналъ себѣ цѣну.

Раньше я его называлъ рыцаремъ художественнаго слова. Это такъ. Я не знаю лично, и никогда не слыхалъ ни объ одномъ авторѣ, на котораго бы опечатки производили такое гнетущее впечатлѣніе. Все лицо Чехова сразу тускнѣло, и онъ начиналъ ругать и корректора, и типографію и редакцію. И настроеніе падало надоло.

Въ прелестной, удивительной «Степи», въ марковскомъ изданіи, Антонъ Павловичъ увидалъ одинъ изъ такихъ перловъ и ужаснулся.

Священникъ о. Христофоръ молится: «и намѣренно громко, чтобы другіе крестились, говорить трижды:

— Аллилуя, аллилуя, аллилуя, слава тебѣ Боже!

Наконецъ онъ улыбнулся, поглядѣвъ вверхъ на небо и кладя псалтырь въ карманъ сказалъ:

— Fin!

Такъ и напечатано. Наборщикъ и корректоръ приняли латинское s за восклицательный знакъ и вышло, что православный священникъ ни съ того, ни съ сего послѣ «аллилуя» произнесъ французское слово, да еще многозначительно, съ восклицательнымъ знакомъ.

Все это обнаружилось уже послѣ того, какъ книга вышла отпечатанная въ огромномъ количествѣ экземпляровъ.

— Точно въ меня выстрѣлили, — рассказывалъ потомъ Чеховъ.

Замѣчательно самообладаніе Антона Павловича во время болѣзни. Никогда и никакихъ жалобъ на свою судьбу. Несомнѣнно, что, живя въ Боденвейлерѣ, онъ, какъ докторъ, понималъ, что конецъ уже близокъ. Казалось бы, ужъ гдѣ тутъ помнить о друзьяхъ и какъ писать большія письма. А вотъ въ только что изданной Б. Н. Бочкаревымъ книжкѣ писемъ Чехова, на стр. 130., начинается большое, бодрое, остроумное письмо А. П. Чехова къ В. М. Соболевскому отъ 15 іюня 1904 года изъ Баденвейлера. Иначе говоря, за нѣсколько дней до смерти.

Прожить, добродушно посмѣиваясь надъ тупыми редакторами и не чуткими критиками, никогда и никому не сдѣлать зла, всю юность провести въ нуждѣ, поддерживать на своихъ плечахъ семью, и, достигнувъ міровой извѣстности, такъ безропотно и гордо умереть, могъ только прекрасный и сильный человѣкъ...

Борисъ Лазаревскій.